

БАЛЛАДА О СГОРЕВШЕМ АРТИСТЕ

Пьеса в двух частях

Действующие лица:

ЕРМОЛИН СТЕПАН ИВАНОВИЧ

МИШ МИШ - сельский житель

ЕРМОЛИНА АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА - жена артиста

МАРФА ИВАНОВНА - героиня из пьесы Ермолина «Не вернулся в свою базу»

КУРТ - обер-лейтенант, из этой же пьесы

ГАЛИНА - внучка Марфы Ивановны, из этой же пьесы

АНТОН – сын директора школы Охотникова Николая Ивановича из пьесы

А. Арбузова «Потерянный сын»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На сцене все условно. В углу стол, скамейка. Где-то деревья, лесная тропинка. Думаю, что тропинку желательно сделать близко к реальной. В невысокую длинную емкость налить воду, чтобы герои могли шагать по ней. В начале воды не видно, она закрыта, но в необходимый момент нужно открыть. Действие происходит в начале пятидесятих годов прошлого столетия. За столом сидит Степан Иванович Ермолин и что-то пишет. Поднимает ручку и радостно тыкает бумагу, ставит точку.

ЕРМОЛИН. Кажется, получилось! *(Встает, радостно потирает руки. Вдруг начинает сомневаться.)* Может, зря радуюсь? Что за занятие этот писательский труд?! Стараешься, пишешь, а сердце никогда не успокоится. Найдешь тему, носишь в голове пока не одуреешь. Будто тяжелый мешок на себе тащишь. Потом придет момент и прорвет, сядешь писать. Избавляешься от тяжелой ноши. Такое же ощущение, как будто в лес сходил за ягодами. Иногда целый мешок собираешь, до дому еле дотащишь. Зайдешь в дом, снимешь ношу и как-будто крылья за спиной появляются. Готов до неба взлететь от легкости. Так тебя эта ноша к земле давила. Удивляешься, как этот тяжелый рюкзак до дому смог донести? Так же тяжело таскаю тему, а выложишь её на бумаге, и почему-то не становится легче. Наоборот - начинает давить, вниз тянет. В голове мысли мелькают - зачем я все это написал? Кому это нужно? И вот боюсь даже подойти и еще раз прочесть написанное. Вдруг да не получилось?! *(Вздыхает.)* Только время зря потерял. Ведь специально от других отстал. Чтобы одному здесь побыть. В коллективе что напишешь? Тем более среди артистов. Они же без умолку что-то рассказывают. Решил, что завтра самостоятельно доберусь до соседнего села, где вечером спектакль ставим. Что за ерунда! Зря что ли я отстал от них? *(Боязливо подходит к столу, берет лист бумаги и внимательно читает.)* Вроде бы получилось... Если поновой заставят это написать, может, так уже и не получится. Этот настрой, видимо, нельзя упускать. Ведь уже сколько времени в мыслях держу сюжет одной пьесы. Может, с размаху и её начать писать? Погоди-ка! Больно быстрый... Может, еще это стихотворение придется пока подальше куда-то спрятать? Хотя, как-будто ничего получилось. *(Начинает читать написанное стихотворение.)*

Снова бабочкой летают снежинки,
Белым ковром покрылась земля.
Снова рождаются новые песни,
Как летом на полях цветет рожь.

Как не похвалить зимнее небо,
Как не петь ему нежную песню,
Когда перед ней красоту теряют,
Все слова красивой девушки.

В зимнее утро зарево красное!
Попробуй нарисовать. Всем не дано
Утренний воздух глотнешь - и мигом
На новые дела появляются крылья.

Пусть же бабочкой летят снежинки,
Белым ковром покрывается земля.
Пусть рождаются новые песни,
Как на полях цветет рожь.
(Перевод построчный.)

Вроде легко читается. Нигде не споткнулся. Как песня звучит. (Первый куплет пробует пропеть.)

Слышен стук в дверь.

Кто-то назад возвратился что ли? Не дай Бог. Тогда все пропало, писать уже невозможно будет...

Снова стучатся.

Вроде, не из артистов кто-то. Наши бы не стали так стучаться. Давно бы уже дверь нараспашку открыли и зашли. Входите! Дверь не заперта.

Появляется Миш Миш, в руках сверток.

МИШ МИШ. Можно?

ЕРМОЛИН. Конечно, можно. Заходи. Да не стой возле порога. Ведь не Визябожский же ящик.

МИШ МИШ. Нет, я не с Визябожа. Я местный.

ЕРМОЛИН. Тогда проходи в дом. Рассказывают, что раньше возле порога стояли только визябожские ящики.

МИШ МИШ. Зачем?

ЕРМОЛИН. Кто их знает? Так рассказывали. По этому их и узнавали: раз возле порога остановился, значит с Визябожа. Другие сразу в дом заходили.

МИШ МИШ. Стеснительные что ли они такие? Визябожские-то?

ЕРМОЛИН. Этого я, друг, не знаю. Что рассказывали, то и передаю.

МИШ МИШ. Здравствуйте. (Протягивает руку.)

ЕРМОЛИН. Добрый вечер. Кто ты будешь?

МИШ МИШ. Миш Мишем здесь все знают.

ЕРМОЛИН. А меня - Вань Степой. Степан Иванович, значит. Ермолин.

МИШ МИШ. Знаю ведь. Тебе не надо представляться. Видел ведь на спектакле.

ЕРМОЛИН. Смотрел, значит, наш спектакль?

МИШ МИШ. А как же? Ведь так давно уже приезда артистов ждали. Все село смотрело - от младенца до древней старухи. Все в клубе были. Коровы на всю округу мычали. Как раз вечерняя дойка настала. А тут спектакль...

ЕРМОЛИН. Но-о-о... Оказывается, нам в другое время постановку показывать надо, да?

МИШ МИШ. Нет. Нет. Как вам удобно, так и показывайте. С коровами ничего еще не случилось. Помычали и все. Молоко за пару часов не сгорит еще. (Оглядывается.) Один что ли?

ЕРМОЛИН. Один. Остальные после спектакля отправились в соседнее село. Там завтра показываем.

МИШ МИШ. Вроде, кто-то даже песню пел. Может, думаю, празднуете. Поэтому и не решился сразу войти.

ЕРМОЛИН. Это я пел.

МИШ МИШ. Я иногда один тоже пою. Когда выпивший, в основном. Хорошо, что ты не ушел. А то получилось бы, что напрасно пришел я...

ЕРМОЛИН. Ты ко мне по какому-то делу?

МИШ МИШ. (разворачивает сверток.) Это пальто не твое? Мне так сказали, что в этом пальто народный артист приехал.

ЕРМОЛИН. Ну!.. Снова что ли забыл?

МИШ МИШ. Жена моя в клубе работает. Она домой принесла. Отнеси, говорит. Ермолину.

ЕРМОЛИН. Почему сама не принесла?

МИШ МИШ. Одна стесняется. Хотела со мной сюда придти. Но я не разрешил. Корову, говорю, подои. А то воет уже...

ЕРМОЛИН. Спасибо, что принес. Завтра, может, и сам бы заметил. Но где искать, конечно, не знал бы. Вот, беда... Снова оставил...

МИШ МИШ. Часто что ли забываешь?

ЕРМОЛИН. Бывает. Когда принесут, как ты. Однажды даже посылкой в город отправили. Конечно, пальто уже старое. Но все же жалко потерять. Другого нет.

МИШ МИШ. *(Что-то размышляет.)* Степан Иванович, а ты не рассердишься? Если я немного с тобой тут побуду.

ЕРМОЛИН. Посиди. Почему я должен на человека обижаться? Раз в гости зашел...

МИШ МИШ. Может, думаю, отвлекаю от дел. Вон сколько на столе бумаг.

ЕРМОЛИН. Писать садился. Решил вот поработать.

МИШ МИШ. Тогда не стану отвлекать. Пойду. Конечно, очень уж хочется с тобой посидеть.

ЕРМОЛИН. Да не помешаешь ты моей работе. У меня впереди целая ночь.

МИШ МИШ. Я недолго. Только чуток посижу. Жена вот даже еду отправила. Отнеси, говорит, людям домашнюю снедь. Они, мол, все время в дороге, хорошей еды, наверное, и не видят...

ЕРМОЛИН. Голодом, конечно, не живем. Перед спектаклем еще уху похлебали.

МИШ МИШ. Соседский мальчишка с мотыгой бежал. Высокий артист, говорит, попросил червяков накопать. Мол, если целую банку принесешь, то на спектакль бесплатно пустим.

ЕРМОЛИН. *(смеется.)* Не только он червяков принес. Пацанов десять по целой банке притащили. Столько, конечно, не понадобилось. Но всех бесплатно пустили. Обещал ведь. Рыбу поймали. Спасибо, я не голодный.

МИШ МИШ. Если домой обратно принесу - жена прогонит. Ведь самое вкусное, что у нас имеется, отправила.

ЕРМОЛИН. Что и делать-то?

МИШ МИШ. Съесть. Что потом с едой делать. *(Вытаскивает на стол еду.)* Я даже русскую водку прихватил. Не откажешься ведь?

ЕРМОЛИН. Я, конечно, мимо не проливаю. Но сегодня не могу. Вот, кое-что написать решил.

МИШ МИШ. Мы ведь много пить не будем. Только по чуть-чуть. *(Вынимает бутылку.)*

ЕРМОЛИН. Может, немножко, и можно... Я вот как-то даже шуточный стишок сочинил на эту тему.

Большой артист ходит пешком,
Ест с сухариками щи.
В этом году не был еще пьяным,
В чем дело, товарищи?
(Перевод построчный.)

МИШ МИШ. Хорошо написал. Так и есть. Я тоже не охоту этим делом балуюсь. Но сегодня можно. Не каждый ведь день с таким большим артистом удастся за одним столом посидеть.

ЕРМОЛИН. Может, и большой я, но только ростом.

МИШ МИШ. Большой ты артист. Видел ведь твою игру. Да и люди говорят. Давай, покушай. Стаканы, думаю, найдутся?

ЕРМОЛИН. Как же без них. Имеется. И кружка найдется.

МИШ МИШ. *(наливает в посуду по чуть-чуть водки.)* Спасибо, что не побрезговал да с таким как я сельчанином за один стол сел.

ЕРМОЛИН. С чего это я перед тобой куражиться стану? Я ведь и сам с села.. Ничем от тебя не отличаюсь.

МИШ МИШ. В наше село разный народ заглядывает. Некоторое начальство мимо пройдет и даже взгляд не бросит. Какое уж тут за одним столом посидеть...

ЕРМОЛИН. Какое я тебе начальство? Артист я. Обыкновенный артист.

МИШ МИШ. Это тебе так кажется. А для нас ты выше самого большого начальника. Сам же видал, как люди вам хлопали. Даже после выступления самого высокого начальства никто так не хлопал. Так, немножко поаплодируют, чтоб только не обиделся человек. А тебе от души все хлопали. Давай выпьем. За тебя.

ЕРМОЛИН. Не вовремя ты зашел. Нельзя мне сегодня... Но чуть-чуть... Может... *(чокаются, выпивают.)* Вкус еще прежний. У водки, говорю.

МИШ МИШ. *(смотрит на бумаги.)* Что-то написал? Слышал, слышал, что ты и пьесы мастер писать. И стихи, говорят, получают.

ЕРМОЛИН. Да так, баловство. Не знаю, получают или нет. Людям виднее.

МИШ МИШ. Что писал-то?

ЕРМОЛИН. Стихотворение пытался сочинить.

МИШ МИШ. Прочитай.

ЕРМОЛИН. Может, не стоит?

МИШ МИШ. Прочитай. Я потом людям похвастаюсь, что Ермолин мне свое стихотворение прочитал, только что написанное. Первым слушателем буду.

ЕРМОЛИН. Это стихотворение читать не стану. Оно ведь как только что родившийся ребенок. Пока только лишь чуть-чуть дышит.

МИШ МИШ. Я ведь не сглажу, даже если и новорожденный. Человек я мягкий.

ЕРМОЛИН. Да, это видно... Но этот стих читать не стану. Если хочешь, могу прочитать из тех, что раньше сочинил. А этот нельзя пока трогать, пусть созреет. Может, кое-где еще придется поправить.

МИШ МИШ. Как знаешь. Может, еще по чуть-чуть? (*Хочет налить.*) Чтобы кровь разбавить.

ЕРМОЛИН. (*останавливает.*) Больше не наливай. Если хочешь, сам пей, а мне не наливай. Выпивший я никогда не садился писать. Не получается тогда. Лучше я тебе стихотворение прочту. Из головы.

МИШ МИШ. Прочти. Раз не хочешь, силком пить не буду заставлять. А один и я не стану. Так посидим. Можно ведь?

ЕРМОЛИН. Конечно, можно.

МИШ МИШ. Я долго не буду тебя задерживать. Конечно, хорошо было бы всю ночь с тобой говорить. Но от работы отвлекать нельзя.

ЕРМОЛИН. Прочту, тогда, одно стихотворение.

МИШ МИШ. Прочитай. Успокой сердце. Не обижайся на меня, если помешал тебе.

ЕРМОЛИН. Когда-то я целую поэму сочинил. Всю читать не стану. Только начало.

Возле окошка старая мать
Сидит и плачет.
Её слёзы бесконечны,
Щеки красные.

Куда идешь, Николай,
Последний мой кормилец.
Видишь, спина уже не сгибается
Устали и руки.

Как тебе меня одну
Не жалко оставлять?
Люди добрые в домах.
Что будут говорить?

Перестань, мамук, милая мать,
Не надо напрасно плакать.
Старое горе так не высохнет,
Не надо тратить силы.

Потом маму Николай
Прижал к себе крепко..
У самого слезы, хоть не думал,
Вышли, не смог их удержать.
(*Перевод построчный.*)

Вот это когда-то написал. Так начинается. Дальше не стану читать.

МИШ МИШ. Что тут и скажешь? Спасибо. Гладко написал. А ты чего это ничего не ешь? Даже не попробовал.

ЕРМОЛИН. Не надо. Я не голоден.

МИШ МИШ. Ухой не насытишься. Может, не нравится тебе наша крестьянская еда? Жена с душой все приготовила.

ЕРМОЛИН. Отличная еда. Но не хочется...

МИШ МИШ. Кушай, кушай. Сам всю ночь планируешь работать. Голодному какая работа...

ЕРМОЛИН. Говорю, что не хочется. (*После паузы.*) Дети и жена перед глазами.

МИШ МИШ. Что-то с ними не так что ли? Болеют?

ЕРМОЛИН. Вроде бы не болели. Я ведь им на столе только чугуны картошки и оставил, без соли и хлеба. Нет, не полезет мне твоя еда. О них мои мысли. Получится, что буду я здесь уплетать все это, а они... Если жена и дети впроголодь, то и я с ними...

МИШ МИШ. Неужели такие люди, как вы так плохо живут? Я ведь думал, что моя еда не по душе тебе, нос воротил, не пробуешь.

ЕРМОЛИН. Некоторые думают, что творческие люди должны жить всегда чуть впроголодь. Как голодные волки. Чтобы нюх лучше был. Возможно думают, что мы на сытый желудок будем лениться.

МИШ МИШ. Даже и не знаю, что тебе сказать. Но нельзя же до такой степени голодом морить?!

ЕРМОЛИН. Им видней.

МИШ МИШ. А детей-то много?

ЕРМОЛИН. Так-то восемь было. Только вот трое в младенчестве умерли.

МИШ МИШ. Много, значит... Но нельзя же так! Раз не кушаешь, то я заверну. Домой отвезешь.

ЕРМОЛИН. Не надо. Не заворачивай. Я ведь домой когда еще вернусь. Испортится все...

МИШ МИШ. Вот чудеса-то! Мы ведь думали, что вы, такие узнаваемые и заслуженный люди, легко живете. Ну и удивил ты меня...

ЕРМОЛИН. Зачем я только тебе рассказал? Ты, Миша, не говори никому про наш разговор. Пусть люди думают, что мы... Не расскажешь?

МИШ МИШ. Я не болтливый. Но нельзя же так! Почему тогда это занятие выбрал?

ЕРМОЛИН. Об этом долго придется рассказывать... Но не каюсь я, что выбрал эту дорогу. Только иногда думаю, что если отец и дурак, то дети-то в чем виноваты? В ранней молодости я встал на этот путь и сворачивать с него никогда не думал. А что, разве надо было?

МИШ МИШ. *(молчит.)* Я ничего в ответ сказать не могу...

ЕРМОЛИН. Не отвечай. *(Пауза.)* Я ведь в селе Часово родился. Слышал про такое?

МИШ МИШ. Слышал, но ни разу не бывал. Говорят, недалеко от Сыктывкара.

ЕРМОЛИН. Не так далеко... В зимние вечера молодежь собиралась на посиделки в каком-то доме. Я еще маленький был, но за ними бегал. Девушки за прялками поют, парни балагурят. Потом как начнут плясать!

МИШ МИШ. В нашем селе ведь так же было...

ЕРМОЛИН. Я им лучину готовлю. Сторожу огонь, чтобы не погас. Позже на балалайке научился играть, сел уже рядом с гармонистом. Подыгрывал ему на балалайке. С тех пор, видать, и зародилась у меня мечта - стать артистом.

МИШ МИШ. Я в детстве тоже много дурачился. Но артистом вот не стал. Даже мысли об этом не было.

ЕРМОЛИН. Однажды мать даже домой пускать не хотела, когда узнала, что я в клубе чёрта играл. Спектакль был против религии. А отец с матерью в Бога сильно верили.

МИШ МИШ. Так и не пустили? Домой-то, говорю.

ЕРМОЛИН. Пустили. Мои родители были очень хорошими, сердечными людьми. А артистами стать нас воодушевил наш учитель. Василий Иванович Буткиным его величали. Он мне много раз повторял, что из меня настоящий артист получится.

МИШ МИШ. Значит, правильно говорил.

ЕРМОЛИН. Наверное. Однажды к нам в село приехали настоящие артисты. Из Сыктывкара. После спектакля их руководитель, Костромин, отвел меня в сторону и начал спрашивать о том, о сем. И в конце разговора предложил мне приехать в Сыктывкар. Наверное, он заранее обо мне все знал, кто-то сообщил ему. И ведь поехал я в Сыктывкар-то. И стал артистом. Семнадцать лет мне тогда было. И вот с тех пор я и игаю в театре.

МИШ МИШ. Хорошо, что кому-то пришлось в голову надоумить тебя эту профессию выбрать.

ЕРМОЛИН. Я тоже за это благодарен. Не только хлебом единым жив человек.

МИШ МИШ. Согласен. Но ведь талант-то тоже по-человечески необходимо ценить. Вот за что мне обидно...

ЕРМОЛИН. ...В молодости я вспыльчивый был, сильно расстраивался, когда не ценили мое старание. Теперь я по-иному на это смотрю. Более спокойно, что ли...

МИШ МИШ. Да... Вижу, что не легкое это дело - быть артистом.

ЕРМОЛИН. Себя не обманешь. Что сердце просит, то и надо делать. Конечно, всякое случается. Иногда дети болеют. А тебе в театр необходимо идти. Бывает, что и в комедии играть нужно, людей смешить. Тогда надо вытряхнуть из головы все тяжелые мысли. Зрители ведь не виноваты, что у тебя дети заболели. Не будут они на твою кислую физиономию смотреть. Они на комедию пришли. Да... Всякое бывало... Но все равно ни разу не раскаивался в выборе профессии.

МИШ МИШ. Что-то я задержался у тебя. Спасибо, что не пожалел своего времени да на меня его потратил. А писать-то что собирался? Новое стихотворение?

ЕРМОЛИН. Нет. Пьесу хочу написать. Давно уже одна тема меня мучает. Думал, что сегодня точно уж возьмусь за неё. Только не знаю, получится ли?

МИШ МИШ. Я ведь не сильно тебя задержал?

ЕРМОЛИН. Нет. Хорошо, что заглянул ко мне.

МИШ МИШ. Я бы, конечно, долго мог с тобой разговаривать...

ЕРМОЛИН. А ты, Миша, на войне был?

МИШ МИШ. Как же без этого. Был. Даже ранили...

ЕРМОЛИН. А мне вот не удалось... Сильно просился, но не взяли. Бронь...

МИШ МИШ. Может это и к лучшему. Раз не взяли. Возможно и назад бы не вернулся. Такого человека тогда Коми земля потеряла...

ЕРМОЛИН. А я сильно расстраивался, когда бронь назначили. Отказывался, зачем мне эта бронь. Раза два даже в военкомат ходил, чтоб сняли и на фронт отправили. Ведь даже стыдно было по городу ходить. При моем-то росте, и в тылу! Так ведь и не отправили...

МИШ МИШ. Из-за этого не переживай. И здесь жизнь была не сладкой.

ЕРМОЛИН. Это правда. Но ведь у меня три брата на фронт ушли. Ваня и Гриша вернулись. А вот Петя пропал. Даже не знаем, где он свою голову положил. Может, в плен попал, мученья терпел...

МИШ МИШ. Там всякое творилось...

ЕРМОЛИН. Мне вот одна тема покоя не дает. Думаю написать... О том, как один летчик не вернулся с боевого вылета. Сбили его самолет. Все думали, что погиб. А он... Вот об этом и хочу написать.

МИШ МИШ. Тогда не стану мешать, пойду.

ЕРМОЛИН. А еду, друг, забирай.

МИШ МИШ. Не дури. Ночь длинная. Проголодаешься.

ЕРМОЛИН. Спасибо, что приходил. Мне даже как-то легче стало. По душам поговорили.

МИШ МИШ. Тебе спасибо. Что не прогнал меня, разрешил посидеть. А знаешь что, Степан Иванович?

ЕРМОЛИН. Скажешь, тогда буду знать.

МИШ МИШ. Ну и остер же ты на язык. Настоящий артист. А давай я тебя завтра до соседнего села провожу.

ЕРМОЛИН. Не надо. Сам дорогу найду.

МИШ МИШ. Я тебя по лесной тропе проведу. Давно её проложили. Только мы, местные, знаем. Этот путь самый короткий. Километров десять сократим.

ЕРМОЛИН. Конечно, это было бы неплохо. Но ведь у тебя и своих дел, наверное, полно.

МИШ МИШ. А Мы рано утром отправимся. До работы обратно успею вернуться.

ЕРМОЛИН. Только лишние хлопоты у тебя из-за меня.

МИШ МИШ. Какие там хлопоты? Мне только приятно помочь такому уважаемому человеку.

ЕРМОЛИН. Ты давай перестань меня так возвышать. А то загоржусь, нос высоко задеру.

МИШ МИШ. А так и есть. Людей ведь обмануть трудно. Видим мы, кто чего стоит. Я завтра с утра за тобой зайду. Спокойной ночи.

ЕРМОЛИН. Жене передай спасибо и, что она мастерица готовить.

МИШ МИШ. Ты ведь даже не попробовал.

ЕРМОЛИН. И так видно, попробовать не нужно. Скажи, что Ермолин все с удовольствием съел.

МИШ МИШ. Скажу. А то если сообщу, что ты даже не дотронулся до её еды - она ночь спать не будет.

Миш Миш уходит. Ермолин ходит взад-вперед. Подходит к столу. Садится, берет ручку, пытается что-то написать и через какое-то время бросает её.

ЕРМОЛИН. Чего-то не получается! Сухие фразы выходят, казенные слова... Ведь никто не мешает, только пиши и пиши... А вот не выходит! Дома иногда и дети балуются, на спину лезут, а я ласково отодвину их и дальше работаю. Ничего не останавливает. А сейчас... *(Встает, ходит, обратно садится)* Если первые строчки правильные найду, тогда гладко все пойдет. Но как такие слова за хвост схватить? Не вернулся в свою базу... Вот так назову эту пьесу. А играть будут вот кто... *(Начинает быстро писать.)*

На сцене появляются герои этой пьесы Ермолина. Выходит Марфа Ивановна, в руках тарелка, которую вытирает полотенцем. Торопливо выходит Галина. Лицо испуганное, тяжело дышит.

ГАЛИНА. Бабушка! Бабушка!... Ты знаешь?! Ты знаешь?!

МАРФА ИВАНОВНА. Что? Что, Галя? Дитяtko моё. Что опять случилось?

ГАЛИНА. Я вышла за дровами, открыла дверь сарая и стала быстро складывать в охапку поленья. И вдруг, бабушка...

МАРФА ИВАНОВНА. Что такое, что вдруг?

ГАЛИНА. И вдруг кто-то застонал. Да, да застонал, бабушка.

МАРФА ИВАНОВНА. Кто, кто, дитяtko. Где?

ГАЛИНА. Да там. В сарае. За дровами.

МАРФА ИВАНОВНА. О. Господи! Кто уж туда мог забраться? Может снова кого-то эти... стервятники. *(Показывает в сторону.)*

ГАЛИНА. Я не знаю, бабушка. Я испугалась. Убежала. Ой, бабушка. И когда все это закончится? Когда?

МАРФА ИВАНОВНА. Не знаю, дитяtko, не знаю. Я пойду посмотрю кто там.

ГАЛИНА. *(не дает ей выйти.)* Ой. Не надо, не надо, бабушка. Убьют. Может, там...

МАРФА ИВАНОВНА. Не бойся. Меня никто не убьет. От моей смерти кому польза? Я уже свое прожила, сколько Бог велел. Ты подожди здесь, я быстро обратно вернусь.

ГАЛИНА. Я с тобой, бабушка. Я одна не останусь. Я боюсь этого... немца. Ты выйдешь, а он опять начнет : «Гут, гут, девушка гут. Ошень гут.» Какой я ему «гут» (по коми «муха»). Я ведь человек. Человек, бабушка!

МАРФА ИВАНОВНА. Дитятко ты мое. *(Целует её.)* Но раз так, то сходим вместе. *(Они выходят. Появляется обер-лейтенант Курт. Глаза опухли от сна, волосы растрепались. На ходу одевает френч.)*

КУРТ. Эй вы. Как вас там? Марфушка! Эй. *(Смотрит кругом.)* Ну, где это она? Эй, старая ведьма! А-а. Бай-бай. Спит... *(Ищет.)* Ты что? А? Нету. Никого нету. Ш-шорт! *(Берет телефонную трубку.)* Алло! Крафт! Да, да, я! Обер-лейтенант Курт. Да. Что? Новость? Слушаю. Когда? Сегодня ночью? Постой, постой, я запишу. *(Пишет на бумаге.)* «Сегодня ночью на территорию гарнизона на парашюте приземлился советский летчик Сбитый самолет упал вполкилометра от нашего аэродрома...» Так, так. Ага! Крафт, Крафт! Алло! Слушай, который сейчас час? Одиннадцать? А почему до сих пор об этом не доложили?! А?! Чего? Когда? Врешь? Я не спал, я с шести утра на ногах. Немецкий офицер не спит! Ты у меня! Где комендант?! Ну как его... Ш-шорт! Да, да. Петроф. Где он? Ага. Быстрее ко мне! Айн, цвай, драй! Как говорится, одна нога сюда, вторая туда... Или как там... Тьфу, ш-шорт! Все! *(Кладет трубку и нервно ходит по сцене.)* Никакого покоя! То одно, то другое. И так уже пойти некуда... Кругом партизаны, красные шпионы.

С охапкой дров заходит Марфа Ивановна. За ней Галина.

А, Марфушка. Я хочу есть, ты понимаешь, еда. Ням-ням. Одиннадцать часов. Ты чего? Тебя нет. Как говорится, фу-фу. Улетела.

МАРФА ИВАНОВНА. Да здесь я. Я тебе никакая не фу-фу. Я все время здесь была. Все готово. Ты вот все дрыхнешь...

КУРТ. Что? Что такое - «дрыхнешь?» А?

МАРФА ИВАНОВНА. Отдыхаешь, говорю и не хотела будить. Ведь вчера немало выжрали.

КУРТ. Выжрали? Что выжрали? Говори толком. Я не знаю никакого «выжрали».

МАРФА ИВАНОВНА. О, Господи! Да, говорю, что не мало работали.

КУРТ. Вот это я понимаю. Да, да. Работали вчера много, нечего сказать. *(Готовится есть, на грудь вешает белую салфетку. Садится за стол.)*

МАРФА ИВАНОВНА. *(принесит еду.)* Глаза вон из орбит аж вылезают.

КУРТ. Да, да. Вы... вы... Что? Опять не понял. Что ты сказала? Вы... вы...

МАРФА ИВАНОВНА. Еще, говорю, не проснулся после трудной работы.

КУРТ. Ага. Это так. Точно так. *(Замечает Галину и вскакивает.)* Ах! Галошка! Моя девушка. Прошу, прошу. Давай сядем со мной, покушаем.

ГАЛИНА. Мне не надо. Я сыта. *(Отходит к бабушке и прячется за её спиной.)*

КУРТ. Ах-ах. Чи-чик, чик-чирик! Моя Галошка. Я прошу. Мне скучно. Гут девушка, иди со мной посиди, а я покушаю. Гут? Но?

МАРФА ИВАНОВНА. Иди, дитятко, иди. Снова рассердится. Садись, покушай.

ГАЛИНА. Бабушка, я не буду. Я не могу, мне тошно.

КУРТ. Точно? Что такое «тошно»? А?

МАРФА ИВАНОВНА. Неудобно, говорит. Стесняется.

КУРТ. Ах, стесняется? Гут, зэр гут. Я научу. Не будет стесняться. Ну, иди, иди, я прошу. *(Силком тащит за стол.)*

ГАЛИНА. *(плачет.)* Бабушка!..

КУРТ. Бабушка здесь. Бабушка не потеряется. Мы вдвоем. Галошка и я. Гут?

ГАЛИНА. *(дразнит.)* Гут, гут. *(Плачет.)*

КУРТ. Вот и хорошо, вот и ладно. *(Садится напротив ее.)* Марфушка! А где это... как его... шнапс?

МАРФА ИВАНОВНА. Вот он. *(Достает бутылку и рюмку.)* Жри, прорва адская.

КУРТ. Да. Да. Жри, три... Ха. Гут разговор. Гут! Я хвалю. Я, ариец, хвалю разговор большевиков. Патриот. Как это вам нравится? А, Галошка? *(Пьет.)* А-а. Гут, зэр гут! Кушай, кушай, Галошка, я прошу. *(Сам с жадностью ест.)*

МАРФА ИВАНОВНА. О, Господи!..

Слышен стук. Ермолин перестает писать. Остальные быстро исчезают.

ЕРМОЛИН. Хорошо, что кто-то постучался. Как раз застрял в этом месте. Не знал, что дальше произойдет. Теперь понял, что в этот момент в дверь кто-то постучится и появится новый герой. Кто там? *(Снова стучатся.)* Войдите! Открыто ведь!

Появляется Миш Миш.

МИШ МИШ. Я это...

ЕРМОЛИН. А что, уже утро?

МИШ МИШ. Ты, видать, еще не ложился.

АРМОЛИН. Нет. Так быстро время пролетело. Вроде только что сел писать. А уже...

МИШ МИШ. Писал что ли? Снова я тебе помешал.

ЕРМОЛИН. Писательский труд бесконечен. Тему за хвост удалось поймать и то хорошо. Теперь нужно в голове удержать, чтобы мысли не улетели. Ничего. Найду свободное время и дальше продолжу.

МИШ МИШ. Вижу - незавидная твоя работа.

ЕРМОЛИН. Много сил требует. Сколько бессонных ночей накопилось в моей жизни... Посчитать невозможно.

МИШ МИШ. Так ведь нетрудно и стореть человеку. Как-то осторожней надо бы да. Беречь самого себя надо.

ЕРМОЛИН. Заразная болезнь этот писательский труд. Но с другой стороны если посмотреть - очень необходимый. Я ведь себя часто ругаю. Ложись и спи как нормальные люди. Но потом сам себя же и успокаиваю - кроме тебя это никто не напишет. Раз у тебя в голове эта тема появилась. То другому не перейдет.

МИШ МИШ. Ты, видать, совсем ничего не покушал.

ЕРМОЛИН. Даже на ум не приходило. Как будто в воду окунулся с этой пьесой. Сейчас чемодан соберу и отправлюсь. *(Начинает собираться.)*

МИШ МИШ. Еду тоже туда положи. Раз сам не хочешь есть, то хоть других накорми. Говорю же, что обратно домой я не унесу.

ЕРМОЛИН. Спасибо. Возьму. У наших аппетит отличный.

МИШ МИШ. Водку тоже не забудь захватить. От меня подарок. Скажи, что Миш Миш отправил. Конечно, они меня не знают...

ЕРМОЛИН. После водки все знать будут. Расскажу, что с очень хорошим человеком познакомился.

МИШ МИШ. Все положил? Пальто надеть не забудь. А то придется мне в соседнее село его нести.

ЕРМОЛИН. Нет, не забуду. Не пойму, как я вчера его забыл? На улице тепло стало, поэтому, видать, налегке и ушел. *(Одевается.)*

МИШ МИШ. Хорошо, что ты в сапогах. Дожди долго лили, дорога мокрая, кругом вода, в ботинках не пройти.

ЕРМОЛИН. В села мы в ботинках и не выезжаем. В них только по городу ходить.

Начинают идти. Здесь бы как раз пригодилась вода, налитая в длинное корыто. Натуральные брызги воды, естественность удивят зрителей.

МИШ МИШ. Говорил же, что по воде идти придется. В распутицу у нас беда с дорогами.

ЕРМОЛИН. Ничего. Я привык. Не один километр уже по таким прошагал.

МИШ МИШ. Я не быстро шагаю?

ЕРМОЛИН. Нет. У меня ноги длинные. Да и, говорю же, что привыкший я по таким тропинкам ходить. Отец мой тоже в распутицу умер.

МИШ МИШ. Отца твоего уже нет в живых?

ЕРМОЛИН. Нет. И мамы тоже...

МИШ МИШ. Мои еще живы-здоровы.

ЕРМОЛИН. Значит, счастливый ты человек. А я вот уже сирота. Отец в конце апреля умер. В разгар распутицы. Самая большая потеря в моей жизни. Очень горевал. Шестьдесят семь лет всего-то и было ему. Жить да жить еще... После похорон от Часова до города пешком прошагал, а вечером еще и в двух спектаклях пришлось играть. На душе тяжело, но сыграл как-то. Раз работа у меня такая.

МИШ МИШ. Я бы не смог.

ЕРМОЛИН. И мне нелегко было. Слезы текут, а приходится играть.

МИШ МИШ. А мать после отца долго еще жила?

ЕРМОЛИН. Недолго. А вот перед мамой я всегда виноватым буду.

МИШ МИШ. Почему? Что-то не так что ли вышло?

ЕРМОЛИН. Почему я тогда пешком в Часово не отправился? На пароходе решил добраться. А он на два дня опоздал. Когда прибыл в Часово - её уже похоронили. Так и не видел маму.

МИШ МИШ. Простит. Мать простит.

ЕРМОЛИН. Добрая она у меня была. Может, простила. Только я сам себя никогда простить не смогу.

МИШ МИШ. Да, много горя ты пережил.

ЕРМОЛИН. Раз начал, то до конца выскажусь. Почему жизнь так устроена? Почему люди умирают? Не увижу я больше ни отца, ни мать. Не увижу и своих птенчиков - Степу, Ганночку, Галину.

МИШ МИШ. А они кто тебе будут?

ЕРМОЛИН. Мои дети. Говорил я вчера, что трое их у меня умерло. Такие чудные дети были и вот улетели. Сердце болит, когда о них вспомню. А вспоминаю каждый день. И не раз. Может души их смотрят на меня сверху и удивляются - куда это их отец снова направился? Может, радуются, меня увидев. Жаль, что я их не вижу. Ничего, когда-нибудь встретимся...

МИШ МИШ. Вашей жизни, Степан Иванович, не позавидуешь.

ЕРМОЛИН. А ты еще мою жену и детей не видел! Если бы увидел, то позавидовал бы. Мои ягодки... Ждут меня, зимогора-отца. Приду, когда-нибудь, вернусь..

МИШ МИШ. Вон и село показалось. Теперь уже сам можешь выйти к нему. Я дальше не буду провожать.

ЕРМОЛИН. И правильно. Тебе ведь на работу еще надо выйти. Спасибо, что довел.

МИШ МИШ. Тебе спасибо.

ЕРМОЛИН. За что? Мне-то за что?

МИШ МИШ. За все. Ты, Степан Иванович, береги себя. Если в один мешок все всегда пихать, то может лопнуть.

ЕРМОЛИН. Не лопнет. Душа моя глубоко сидит.

МИШ МИШ. Кроме души у человека еще и сердце есть. Береги себя. Все близко к сердцу принимать тоже нельзя. Как-нибудь поосторожней что-ли живи.

ЕРМОЛИН. Спасибо за добрые пожелания и за то, что проводил меня. Может, когда-нибудь еще побываем в вашем селе. Тогда увидимся.

МИШ МИШ. Ты у нас остановись. Спросишь, где Миш Миш живет, и каждый покажет.

ЕРМОЛИН. Всего хорошего тебе! *(Идет дальше.)*

МИШ МИШ. И тебе тоже. Только береги себя. Не переполняй мешок..

ЕРМОЛИН. *(отходя.)* Самого себя не изменишь. Какой уж родился...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На сцене ничего не меняется. Все условно. После событий в первой части прошло лет десять. Выходит Ермолин, в руках тетрадка. Садится на лавочку. Озирается. Открывает тетрадь.

ЕРМОЛИН. Здравствуй, мой дневник! Давно тебя не открывал. Чтобы никому на глаза не попался, спрятал, нечего пока знать мои тайные мысли. Рано еще. Может, когда меня не будет, тогда прочитают. Узнают, какими размышлениями я жил, что сердце волновало? Прекратил я тебя писать. Не обижайся. *(Листает.)* Вот ведь какой я в молодости был! Теперь сам удивляюсь. Даже не могу вспомнить, по какой причине я написал эти строки в сороковом году. *(Читает.)* Хватит! Не могу больше... Подскажет жизнь... Кто гений? А кто, вовсе ни гений, ни пуговица от шубы. *(Перестает читать.)* Сильно, видать, рассердился, раз так написал. *(Читает дальше.)* Но ведь я работал, трудился. И работаю, и тружусь. И все на пользу коми искусства. Почему же так? Может не заслужил пока? Может быть. Работал десять лет как волк - еще поработаю! Будьте уверены. Если от сцены отойду - у меня найдутся другие пути. Раз отгоняют, вытесняют со сцены, я отойду, спорить не буду. Хотя мои способности еще не выявлены. У меня есть перо - это основное. Захочу - за поэзию возьмусь. Захочу - за драматургию. А вообще, жизнь подскажет - не пропадем! *(Перестает читать.)* Вот ведь в молодости человек каков. Ему все сразу подавай. Ну и написал! *(Читает.)* Исполнилось 27 лет! День рождения! И что я сделал? И будто ни-че-го! Не вижу ничего! Никаких эффектов в жизни! Что будет со мной. Что будет? Неужели так и кончится вся моя жизнь? Без всякой славы, без всякой пользы народу? Куда не сунешься убивают. Не дают ходу. А сколько во мне сил, сколько энергии, сколько способностей. И все ни к чему! Никому их не надо, никто не признает. Но подождите! Я добыю своего. Меня народ должен узнть! Я от народа плоть от плоти! Я сам народ! Я вырвусь на волю через эту сеть несправедливости. Выпью за свой день рождения без всяких подлиз и подхалимов один сам. Будьте здоровы дети! Будь здорова, жена! Хо-ро-шо! *(Перестает читать.)* Быстрый же ты, Степан. Все сразу хотел получить. Так сразу всего не получишь. Много сил, энергии необходимо отдать, чтобы тебя оценили. *(Снова листает.)* Вот и пришло время. *(Читает.)* 10 апреля 1943 года. Президиумом Верховного Совета Коми АССР награжден званием заслуженного артиста Коми АССР. Это результат моих 12 летних трудов в области развития коми искусства! Вперед к новым победам! 26 апреля. День рождения! Исполнилось 29 лет... Как течет время! Эх, как бы я хотел, чтобы мне сейчас было 19, а не 29 лет! Как много еще работы впереди, а время летит. Я готов кричать сейчас - остановись мгновение- замри! Много сделано, но хочется сделать еще больше! Еще больше! А это написано 23 мая Закончилась поездка по Усть- Куломскому району. Успех небывалый. Народ любит и уважает свой коми народный театр. С волнением ехал я в район с

заслуженным именем. Очень хотелось знать от своего народа - заслужил ли такое высокое звание на самом деле? Но мои сомнения не оправдались. Я принят народом, как коми заслуженный артист, и как коми писатель. Писать, нужно писать пьесы, народ требует! *(Дальше листает. Читает.)* 29 марта 1945 года. Вот та самая настоящая оценка нашей работы за эти годы. Опубликован Указ Верховного Совета о награждении... Я - народный артист Коми АССР! Эх, друзья-товарищи. Как мне ответить и чем, за эту высокую награду? Работой! Упорной, неутомимой работой! И больше ни как, и ни чем... *(Листает)* Вот и до последней записи дошел. 18 апреля 1945 года. Скоро день рождения. Как же отметить 31 год моей жизни? Интересно, ведь время повернулось к закату жизни, а я и не заметил. Нужно, нужно этот день отметить мне особо. Былое не вернешь. *(Заканчивает читать.)* Даже и не вспомню, как отметил тогда? *(Сидит и о чем-то думает.)*

Появляется Анастасия Михайловна Ермолина.

ЕРМОЛИНА. Степан! Что случилось? Больно рано ты сегодня встал.

ЕРМОЛИН. *(Не занет куда деть тетрадку.)* Встал вот. Не спится чего-то.

ЕРМОЛИНА. *(замечает дневник.)* Опять со своим церковным свертком ходишь?

ЕРМОЛИН. Какой он тебе церковный сверток?

ЕРМОЛИНА. Одно и то же! Снова что ли у какой-то зазнобы имя написал?

ЕРМОЛИН. Перестань шутить. Какая зазноба? Прошло уже время. Если раньше не была, то теперь уж...

ЕРМОЛИНА. Вот и не обманывай. Сам знаешь. Будто я не читала твой дневник.

ЕРМОЛИН. Я, может, чего не насочинил тогда. В молодости-то.

ЕРМОЛИНА. Чего-то давненько я эту тетрадь не видела. Под большим камнем что ли прятал?

ЕРМОЛИН. Искала что ли?

ЕРМОЛИНА. Конечно, нет. Хотя, вспоминаю часто ее. Ту запись...

ЕРМОЛИН. Перестань чепуху вспоминать. Тогда ведь прочла и долго со мной не разговаривала. Нашла из-за чего дуться.

ЕРМОЛИНА. Да, обиделась я тогда. Не скрою. Потом обида растаяла. Когда хорошо все обдумала. Зачем тебе нужно было о ней писать, о Розалине?

ЕРМОЛИН. Не думал, что ты прочтешь дневник. О чем думал, про то и писал. Ты уж перестань про это вспоминать. Все позади, прошло.

ЕРМОЛИН. Знаю, что прошло.

ЕРМОЛИН. Я, Тусюк, кроме тебя никого не любил.

ЕРМОЛИНА. Чего это ты, Степан, сегодня такой грустный? Что случилось? С раннего утра с дневником в руках сидишь?

ЕРМОЛИН. Ничего не случилось. Захотелось свою жизнь вспомнить. Вот и прочел по новой.

ЕРМОЛИНА. *(шутливо.)* Про Розалину тоже прочел? Успокоил сердце-то?

ЕРМОЛИН. Перестань, Тусюк.

ЕРМОЛИНА. Давай я прочту. *(Хочет взять дневник.)*

ЕРМОЛИН. *(не дает.)* Не балуйся. Мне самому до сих пор неловко. Хотел уж когда-то эти листы порвать, но рука не поднялась.

ЕРМОЛИНА. Зачем рвать-то, раз написал. Отдай, говорю. Прочту сама. Давно уже не читала.

ЕРМОЛИН. Мого раз что ли читала? Мой дневник?

ЕРМОЛИНА. Нет. Только тогда. Теперь уже забыла. Давай, вспомню хоть. Боишься что ли?

ЕРМОЛИН. Чего мне бояться. Время прошло. На. Читай. Успокой сердце.

ЕРМОЛИНА. Так я не стану читать. Ты хорошо тетрадку подай.

ЕРМОЛИН. Я вроде хорошо и отдаю.

ЕРМОЛИНА. *(берет дневник.)* Сейчас поищем. *(Ищет.)* Вот эта запись. Вслух читать или про себя?

ЕРМОЛИН. Как хочешь. Только по новой не закипай.

ЕРМОЛИНА. Не бойся. Я ведь тебя хорошо уже знаю. Просто тоже хочется старое вспомнить. Завидно стало. *(Читает.)* Сегодня вышел с концерта и вдруг оказалась со мной рядом Розалина. Ну, думаю, конец! А вдруг увидит жена? И повалил с меня пот градом... Даже почудилось: будто бы жена стоит тут как тут, в углу театра и смотрит на нас. Ну я, давай бежать без оглядки! Ну, думаю, жена не видела, приду домой раньше её и уложусь спать. Прихожу домой и что же вы думаете? Жена спит дома! Вот тебе и на! Вот что значит жена! *(Кончает читать.)* А дальше, Степан, тоже прочту?

ЕРМОЛИН. Не надо. Чего ерунду всякую читать.

ЕРМОЛИНА. Тебе, может, ерунда. А меня тогда эта запись задела.

ЕРМОЛИН. Долго ты дулась. Как будто не знала, что лучше тебя никого нет. Тебя я всегда любил и люблю, Тусюк.

ЕРМОЛИНА. Правда что ли?

ЕРМОЛИН. Будто сама не знаешь? С самого первого момента, как тебя тогда увидел. Помнишь ведь? Нашу первую встречу?

ЕРМОЛИНА. Такое разве забудешь? Не обижайся, Степан, что дневник твой выпросила читать. Смотрю, очень ты грустный и хотела задеть. Пусть, думаю как в прежние времена, вспыхнешь. Тогда грустные мысли из головы вылетят. Но ведь нет. Не вспыхнул.

ЕРМОЛИН. Почему-то прошлое вспоминается. Даже не знаю, почему?

ЕРМОЛИНА. Случайно не заболел ли?

ЕРМОЛИН. Нет, не болею я. А помнишь, Тусюк, как мы с тобой встретились?

ЕРМОЛИНА. Сазала уже, что такое не забывается.

ЕРМОЛИН. Как дверь открылась, вошла ты и сразу же мне понравилась.

ЕРМОЛИНА. Я ведь не одна зашла. Со мной были Аня Третьякова и Агньюша Пылаева.

ЕРМОЛИН. Я их даже не заметил. На тебе взгляд остановился и не мог больше отвести глаз. Сердце сразу же и растаяло. Вот, думаю, она и есть мое счастье!

ЕРМОЛИНА. Выдумываешь, наверное...

ЕРМОЛИН. Я выдумываю? Честно. Каждое твое слово помню, каждый твой жест перед глазами.

ЕРМОЛИНА. А какое стихотворение я тогда прочла?

ЕРМОЛИН. Ты впрямь что ли думаешь, что я забыл?

ЕРМОЛИНА. Скажи. Какое стихотворение?

ЕРМОЛИН. Пушкина. «Буря мглою небо кроет...»

ЕРМОЛИНА. Действительно помнишь.

ЕРМОЛИН. Конечно, помню. И «Камаринскую» помню. Так лихо отплясывала. Я в комиссии сидел и не мог отвести глаз от твоих ног.

ЕРМОЛИНА. Такие кривыми что ли показались? Мои ноги?

ЕРМОЛИН. Нет, как свечи прямые были. И щеки румяные...

ЕРМОЛИНА. Как тут не покраснеть-то. В драмтеатр ведь попали. Очень хотелось артисткой стать. Лишь бы комиссии понравиться - так думала тогда. А вы как будто надо мной издевались. Какой-то этюд попросили показать. Я это слово впервые тогда услышала.

ЕРМОЛИН. Очень хорошо показала. Просто замечательно.

ЕРМОЛИНА. А что означает этот этюд? - спрашиваю вас. Вы, мол, с сестрой дерево пилите, а оно на отца падает. Покажи, что делать будешь? Только, мол, говорить ничего не нужно. Ну, я и показала.

ЕРМОЛИН. Хорошо получилось.

ЕРМОЛИНА. Только в конце не выдержала и крикнула: «Отец!» Вы смеяться начали.

ЕРМОЛИН. Смешно получилось. Я громче всех старался смеяться: может, заметишь меня.

ЕРМОЛИНА. Я тогда никого не замечала. Боялась очень.

ЕРМОЛИН. Я тебя, Тусюк, действительно люблю. И любить буду. А из-за этого... дневника... не переживай. Забудь. Не ревнуй ни к кому.

ЕРМОЛИНА. Я и не ревную. Обидно мне тогда стало очень, поэтому и сердилась. Ты меня сильнее ревнуешь.

ЕРМОЛИН. Как не ревновать-то. Такую красавицу.

ЕРМОЛИНА. Сам-то по вечерам поздно приходил. Придешь, бывало, и сразу по сторонам зыркаешь.

ЕРМОЛИН. Не выдумывай.

ЕРМОЛИНА. Правда. Всегда боялся, что кто-то к нам приходил, пока тебя не было.

ЕРМОЛИН. Люблю ведь. Сколько стихов тебе посвятил! Самой красивой девушке.

ЕРМОЛИН. Да, посвящал. Только тут же слова и забывал.

ЕРМОЛИН. Я забывал? Нет! Я все стихи наизусть помню.

ЕРМОЛИНА. Не ври. Все стихи невозможно помнить. Ты ведь много написал.

ЕРМОЛИН. Все, что написал, конечно не помню, но те, что тебе были посвящены - не забуду. Слушай.

Ты занешь, моя сердечная,
Окраину села;
Откуда не могли мы вернуться
В весенние ночи домой.

Ах, какой была тихой речка,
И луна играла лучами.
И весенняя луна как пушинка.
Твою улыбку искала

Кругом было много цветов.
На лугах возле речки
Но всегда я боялся открыть
Перед тобой свое сердце.

Боялся сказать тебе слово,
Что хочу с тобой соединить сердце.
Про это красота твоя, милая,
Тогда в секрете велела держать.
(построчный перевод)

ЕРМОЛИНА. Ты тогда, действительно немногословный был.

ЕРМОЛИН. Боялся, что-то испортить. Скажешь что-нибудь не так, и тебе не понравится.

ЕРМОЛИНА. Не надо было бояться. Я ведь с первых встреч в мыслях с тобой была.

ЕРМОЛИН. Откуда мне это знать? Ты же не говорила.

ЕРМОЛИНА. Потом ведь все же сказала.

ЕРМОЛИН. Да, сказала.. Спасибо, Тусюк, тебе за все. За любовь, за уважение, за то что поддерживала меня. Ты вот даже из-за меня театр оставила.

ЕРМОЛИНА. Не насовсем же. Я всегда мысленно с вами была. Но вот игру рано пришлось оставить. Детей-то много. Если бы еще и я была артисткой...

ЕРМОЛИН. В театре некоторые даже не знают, сколько у нас детей. У брата, у соседей, и свои дети пытаются на спектакль бесплатно пойти. Мы, говорят, у Степана Ивановича. Билетерша всегда удивляется : «Сколько же детей у Ермолина? Мимо меня уже больше десяти мальчишек и девчонок прошли...»

ЕРМОЛИНА. И я тоже с детьми на спектаклях часто бываю.

ЕРМОЛИН. Тебя она знает.

ЕРМОЛИНА. Никогда не забуду, как мы со Степей и Сашей ходили.

ЕРМОЛИН. На «Гибель эскадры» что ли?

ЕРМОЛИНА. Много раз уже про это тебе рассказывала. Ты ведь там комиссара играл. В конце спектакля тебя растреляли... Ты так правдиво упал на пол. Саша еще маленький был. Начал навзрыд плакать. Кричит: «Папочка, не умирай!» Никак не могу успокоить. Видел бы ты, как он обрадовался, когда ты на поклон вышел. Живой, говорит, мой папочка.

ЕРМОЛИН. Да, Саша, он самый ласковый. Остальные. Конечно, тоже.

ЕРМОЛИНА. Пятеро остались. Восемь ведь было их. Не смогли остальных уберечь.

ЕРМОЛИН. Жалко.... Очень жалко. Знаешь, Тусюк, что я больше всего хочу?

ЕРМОЛИНА. Знаю.

ЕРМОЛИН. Конечно, знаешь. Бесконечно об этом твержу. Хочу, чтобы они выросли хорошими людьми. Юра и Миля, конечно, уже большие. Не на что обижаться. Пусть и Степа, Саша и Вова порядочными людьми станут. Вот я сегодня играю в спектакле по пьесе Арбузова «Потерянный сын». Знаешь ведь, отца играю. Очень уж больно ему потерять живого сына.

ЕРМОЛИНА. За наших детей незачем беспокоиться. Их мы не потеряем.

ЕРМОЛИН. Если в мать пойдут, то, конечно, не потеряем. Хорошими людьми вырастут.

ЕРМОЛИНА. А если в отца пойдут - еще лучше станут.

ЕРМОЛИН. А я вот себя похвалить никак не могу. Был бы хорошим отцом - так трудно бы не было им. Чего только не хочется купить им, но не получается. Хоть из шкуры вылезай!

ЕРМОЛИНА. Степе фотоаппарат купил. Забыл что ли?

ЕРМОЛИН. Если бы в лотерею не выиграл, то вряд ли бы смог. Из-за этого больше всего сердце беспокоится, что не мог я им многого дать.

ЕРМОЛИНА. По человеку и одеяло.

ЕРМОЛИН. Судя по моей комплекции одеяло должно быть длинным и широким. А то получается, что себя укроешь, а ноги по колено снаружи...

ЕРМОЛИНА. Чего-то и вправду, Степан, ты сегодня какой-то впечатлительный? Не заболел ли?

ЕРМОЛИН. Как обычно... Может, вечером играть, и поэтому. Сама же знаешь, как я перед каждым спектаклем волнуюсь... Всегда как в первый раз...

ЕРМОЛИНА. Не переживай. Сыграешь. Всегда еще получалось.

ЕРМОЛИН. Вроде бы так... Но себя не переделаешь. Который час-то уже? Я ведь обещал пораньше в театр прийти.

ЕРМОЛИНА. Может быть, я с тобой схожу? Как-то одного сегодня отпустить не хочется. На сердце тревожно...

ЕРМОЛИН. Не надо. Ты лучше на вечер что-нибудь приготовь. Всей семьей отметим премьеру. Я в театре не задержусь. Как закончится сразу домой примчусь.

ЕРМОЛИНА. Хотелось бы с тобой пойти... Но не разрешаешь. Ты теплее оденься.

ЕРМОЛИН. Конец мая уже на дворе. На улице не холодно.

ЕРМОЛИНА. Вечером прохладно будет. Не лето ведь еще.

ЕРМОЛИН. (протягивает дневник.) Эту тетрадь положи куда-нибудь сама.

ЕРМОЛИНА. Всегда еще сам прятал. Сам и положи.

ЕРМОЛИН. Я ведь так спрячу, что сам потом найти не могу. Ты уж положи. Ничего тайного от тебя там нет. Только от детей спрячь. Им еще рано о нас все знать. Вырастут и тогда..

ЕРМОЛИНА. Потом скажу, куда её положила. (Ненадолго исчезает.) Неглубоко спрятала.

ЕРМОЛИН. *(одевается и хочет уйти. Но останавливается, подходит к жене и крепко обнимает.)*
Жди меня, Тусюк. Скоро вернусь. Ненадолго схожу.

ЕРМОЛИНА. *(смотрит вслед на шагающего мужа.)* Что-то на сердце тревожно. Не говорит, но видимо болеет он. Вернуть что ли? Но ведь не послушается. Ему зритель важнее своего здоровья. Чего это черная кошка за ним уцепилась?! Идет и идет сзади. Уходи! Брысь!

ЕРМОЛИН. *(поварачивается.)* Меня что ли, Тусюк, окликнула?

ЕРМОЛИНА. Нет. Не тебя... *(уходит.)*

Ермолин идет. Появляется Миш Миш. В руках сумка.

МИШ МИШ. Степан Иванович, ты что ли?

ЕРМОЛИН. Я. А ты кто будешь? Вроде бы лицо знакомое?..

МИШ МИШ. Ты ведь со многими знаком. Если всех помнить...

ЕРМОЛИН. Погоди-ка... Миш Миш, ты что ли?

МИШ МИШ. Неужели узнал? Я уж думал, что не узнаешь меня. Даже разговаривать не будешь.

ЕРМОЛИН. За кого ты меня принимаешь? С людьми я всегда еще разговаривал.

МИШ МИШ. Я просто так сказал.

ЕРМОЛИН. Как ты в городе-то очутился?

МИШ МИШ. По делам приехал. Сам-то ведь больше в наше село не заглядывал.

ЕРМОЛИН. Не получилось.. Может, когда-нибудь еще и побываю. Я тебя всегда вспоминал. Жене много раз рассказывал, что с хорошим человеком познакомился.

МИШ МИШ. Мы с женой тебя тоже часто вспоминаем. Она вот даже подарок послала. *(Показывает сумку.)* Я как раз твой дом искал. Добрые люди показали. Ты куда-то направился?

ЕРМОЛИН. В театр. Играю я сегодня.

МИШ МИШ. А подарок я куда дену? Жена отругает, если обратно привезу.

ЕРМОЛИН. После спектакля ко мне пойдем. Тогда и вручишь жене. Сегодня не стану отказываться. Как в тот раз. Или же сам и отнеси ей. Вон дом. Только дождись меня, не уходи.

МИШ МИШ. Мне очень хочется в театр попасть. Соскучился уже, давно не видел, как играешь... Может, с собой возьмешь?

ЕРМОЛИН. Может, в другой раз... Завтра. Я сегодня возможно плохо буду играть. Не понравится тебе.

МИШ МИШ. Завтра я домой отправляюсь.

ЕРМОЛИН. Тогда пошли.

МИШ МИШ. Кого ты сегодня играешь?

ЕРМОЛИН. Директора школы. Сам увидишь. Вот и пришли. Ты заходи в зал, садись. Мне ведь надо подготовиться... После обо всем поговорим....

МИШ МИШ. Поговорим. Много чего накопилось, что сказать. Ну, я зайду, посмотрю твою игру. Сердце хоть успокою. Говорю же, что соскучился уже по твоей игре.

ЕРМОЛИН. Постараюсь тогда хорошо играть, чтоб сердце твое успокоилось.

Ермолин уходит. Миш Миш ходит, ищет место, где сесть.

А народу сколько! Даже сесть негде. *(Садится.)* Еле нашел. *(Оглядывается.)* Весь город что ли в театр пришел? Хорошо, что место нашлось. Некоторые, смотри-ка, даже стоят.

Пауза. Появляется Ермолин, который играет в спектакле «Потерянный сын» 57-летнего директора школы Николая Ивановича Охотникова. С ним его сын - Антон.

ЕРМОЛИН. *(играет Охотникова.)* Ночью мне часто не спится... Припоминаю жизнь - ищу, ищу, ищу, где поступил не так, где ошибся... *(Пауза.)* У моей бессоницы ты на хороших ролях, Антон.

АНТОН. *(с верой.)* Тебе не доставало меня?

ЕРМОЛИН. Да.

Долгое молчание.

И потом Лиза... Он храбрится на людях, но я-то знаю, как ей без тебя не просто.

АНТОН. Но с вами остался Петр.

ЕРМОЛИН. Ей он никогда не был дорог.

АНТОН. Отчего?

ЕРМОЛИН. Это долгая история. *(Усмехнулся.)* Но, может быть, именно сегодня её стоит рассказать.

АНТОН. Ну? Что же ты молчишь?

ЕРМОЛИН. Я любил его мать.

АНТОН. Ты?

ЕРМОЛИН. *(твердо.)* Бесконечно.

АНТОН. Значит, Петр... Он твой сын?

ЕРМОЛИН. Нет. *(Помолчав.)* Её звали Оля, Оленька... Она тоже была учительница в нашей школе, её перевели к нам из другого города.... С мужем она разошлась еще до рождения Петра. Он был дурной человек, так говорила Оля.. *(Улыбнулся.)* А она говорила только правду. Вот мы встретились, увидели друг друга и полюбили... Ничего с собой не могли поделать. Она была удивительно веселая. Когда мы оставались вдвоем, мы все время смеялись - нам было так легко с ней вместе, так весело!... Мы не смели встречаться на людях, и вот по вечерам мы пробирались на городской стадион - зимой там было пустынно - бродили с ней по заснеженным тропинкам, и нам представлялось, что мы одни - одни на целом свете. Так проходили месяцы. Что-то следовало решить... Я был женат четыре года. Лиза совсем девочкой была.. и оставить её... и тебя?

АНТОН. *(тихо.)* Рассказывай дальше...

ЕРМОЛИН. Не было никакого дальше. Мы решили расстаться. А что еще могли мы придумать?.. *(Вдруг торопливо.)* Это было тринадцатого мая, в двенадцать часов ночи... Мы шли по берегу реки, возле её дома... и вдруг остановились у мостика... Я поглядел на Олю и увидел, что она плачет. Больше мы ни слова не сказали друг другу, и только у двери я взял в последний раз её маленькую, худенькую руку, увидел её глаза все в слезах и трижды повторил - будь счастлива, будь счастлива, будь счастлива... Затворилась дверь, и я остался один в темноте. Я уже знал, что это конец, что ничего нельзя вернуть...

АНТОН. *(тихо.)* Дальше...

ЕРМОЛИН. Она умерла через полтора месяца. Пятого июля. Её смерть всегда казалась мне странной... Она просто ушла. Так, словно её и не было. *(Усмехнулся.)* А я вот остался жить. В этом мне немножко помог ты. И Петр.

Пауза.

АНТОН. А мама... знала об этой женщине?

ЕРМОЛИН. Я сам рассказал ей...

АНТОН. Всё?

ЕРМОЛИН. Всё. *(Помолчав.)* Теперь ты понимаешь, почему Петр... не дорог ей.

АНТОН. И ты до сих пор любишь... эту женщину?

ЕРМОЛИН. Всё может быть.

АНТОН. *(тихо.)* А как же мама?

ЕРМОЛИН. Я и её люблю. Она мне... родная Часть жизни. Часть тебя. *(Задумчиво.)* Ты ведь в детстве был симпатяга. Знаешь, о чём я мечтал тогда? Смешно... Как мы вместе поедem с тобой на пароходе, когда ты вырастешь... Куда-нибудь очень далеко.

АНТОН. Жалко.

ЕРМОЛИН. Что?

АНТОН. Этого не случилось. Я уехал один Оставил тебя. И мать. Оставил вас одних.

ЕРМОЛИН. Одних? Неправда, Петр остался.

АНТОН. Ах этот Петр!... Но я и его предал *(Бросился к отцу., обнял его.)* Ты жалеешь меня? Пожалей - я, кажется, проиграл жизнь. Тридцать два года, а что свершено? Сколько раз я смотрел на войне в лицо смерти... и не дрогнул. А вот как в будни жить, научи... Жить и в каждую секунду сознавать, что живешь не зря, не понапрасну!... Я всегда всё откладывал - и любовь, и настоящую работу... Вот, думал, проснусь завтра и... Но не поздно ли? Не опоздал ли уже?

ЕРМОЛИН. Запомни одно: ты жив - значит, всё впереди.

АНТОН. *(в отчаянии.)* Знаешь, я иногда думаю - может, меня и вовсе нет? Какой я? Не знаю. С одним человеком - один, а с другим - другой. А с самим-то собой? Не знаю... Никакой я! Никакой. Отчего?

ЕРМОЛИН. *(твердо.)* Что суть человека? Его дела. Изменил им - и нет тебя.

АНТОН. *(идет, оборачивается.)* Прости... Прости! *(Убегает.)*

Ермолин схватившись за сердце, заплетавшимися ногами идет за ним.

МИШ МИШ. *(аплодирует.)* Ну и хорошо! Ну и талант! Видите, как отлично играет. Как будто, действительно так человеку тяжело. Видите, как аплодирует Ермолину зал. *(Пауза.)* Что это? Сообщили, что вместо Степана Ивановича кто-то другой будет текст читать. Вправду что ли с ним что-то случилось?

Боязливо входит Анастасия Михайловна Ермолина.

ЕРМОЛИНА. Что-то случилось что ли? Со Степой?

МИШ МИШ. Не знаю...

ЕРМОЛИНА. Меня позвали... Быстро иди, мол, в театр. Где он?

МИШ МИШ. Там.

ЕРМОЛИНА. Боюсь что-то я туда идти.

МИШ МИШ. Правда что ли мешок наполнился? Порвался. Не верится!
ЕРМОЛИНА. Что же мне делать-то? Что?

Они не знают, что предпринять дальше, ходят по сцене. На экране появляются снимки Степана Ермолина. Звучит стихотворение Серафима Попова «Баллада о сгоревшем артисте»

Зрительный зал переполнен.
- Лишних билетиков нет? -
Нынче играет Ермолин -
Разве достанешь билет?

Вот он - сутулый немного.
Как бы уставший вконец,
Полон тоской и тревогой
«Блудного сына» отец.

Доля беспутная - что в ней?
Все, чем он жил, - под уклон!...
Явственно в жизни сыновней
Видит развалины он.

Сил богатырских, могучих
Был еще прочен запас.
Дуб, упирившийся в тучи, -
Вот кто он был... А сейчас?

Не богатырь, а калека...
Горе, отчаянье, стыд...
Близким, родным человеком
Брошен, покинут, забыт.

Зримый, реальный на диво
Жизненный образ возник.
Ах, до чего же правдиво
Выглядит этот старик!

Сломлен потерей сына -
Как он ненастен и мглист!
Слиты сейчас воедино
И персонаж, и артист.

Горе такое не выжечь -
Испепелит самого...
Как же теперь ему выжить?
Это сильнее его!

Зритель не просто доволен -
Зритель восторгом горит.
Только «Ермолин! Ермолин!»
В бешеном зале гремит.

Близко твое им искусство!
Энтузиазм оцени:
Даже колышется люстра -
«Браво! - вызывают огни.

Что же не идешь ты на сцену?
Зрителям что ж не идешь?
...А у артиста колени
Сводит последняя дрожь.

Залитый пристальным светом,
Он затихает, он мертв...
Там, за кулисами где-то

Он во весь рост расплёщёрт.

Стиснуты синие губы,
Выпуклый лоб почернел.
Весь он как-будто обуглен,
Словно и вправду сгорел.

Словно под током неистовым
Он находился давно...
Только великим артистам
Так умереть суждено!

...Мне бы так кончить - и точка!
Так догореть бы устав,
Самой прекрасною строчкой
Радостно жизнь оборвав.

Конец.